

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая. Информация</i>	<i>7</i>
<i>Часть вторая. По следу.</i>	<i>235</i>
<i>Часть третья. Возвышения</i>	<i>355</i>
<i>Эпилог</i>	<i>498</i>
<i>Слова благодарности</i>	<i>507</i>

Посвящается Розе, которая владеет
моим сердцем сейчас и навеки,
это она придумала название этому роману,
она держит меня за руку, когда мы шагаем
по миру, и наполняет каждый день чудесами
и радостью.

Бену, моему главному мальчику,
просто потому, что я его люблю.

Мили, старшей приемной дочери,
моему товарищу по дайвингу
и во всех смыслах отличной девчонке.

Лотти, младшей приемной дочери,
которая живет в Ла-Ла Ленде Лотти
и иногда позволяет нам навещать ее там.

Вы четверо — углы моей вселенной,
головокружительный свет надо мной,
бескрайние просторы вокруг меня
и надежный пол под моими ногами,
и эта книга — ваша, если захотите,
со всей моей любовью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ПРОЛОГ

Со своего наблюдательного пункта, здесь, на верхотуре, Фул видел разбросанные у него под ногами неровные скопления огней. Их сложный узор складывался в карту города и отдаленных окрестностей, большая часть огней теснилась вокруг Хауски — бледное свечение, напоминавшее мерцание светлячков, исходило от ее баров, клубов и борделей. Более мелкие россыпи лежали дальше: районы, где тяжелые производства не останавливались на ночь, Вороньи Высоты, сияющие за стенами, разнообразные гетто и феоды — плавучие обломки, циркулирующие вокруг центрального яркого пятна. Самым живеньким и блеклым светом, дальше всего от центра города, светила Гавань Евы, где обитало больше всего рабочего люда. Пока он смотрел, новые огни зажглись, а другие погасли, ероша подбрюшье своих скоплений, но не нарушая в целом их очертаний. Он словно наблюдает, как дышит какое-то гигантское существо, подумал он, как жизнь и смерть пульсируют в каждом

Часть первая. ИНФОРМАЦИЯ

районе. А позади всего этого тлел Сад Огня, мерцал грязным, умирающим пламенем цвета обожженной больной древесины.

Широкая каменная стена, отделявшая город от того, что считалось пригородами, холодила Фулу спину, ее ледяное дыхание окутывало ему голову и плечи. Где-то на пределе слышимости до него доносились завывания тварей, которые дрейфовали и кружили на дальнем конце стены, потерянные и осипшие. Он развернулся, дрожа от холода, и плотнее запахнул пиджак, передвинул пистолет на бедре, чтобы не впивался в тело.

Холод, сочившийся из камня, пах чистотой и сыростью — насколько знал Фул, больше так не пахло нигде. В подобные моменты, когда воздух двигался, принося с собой жар из Сада Огня, можно было стоять к камню лицом, ощущая холод спереди и жар — сзади, и Фулу казалось, он находится в двух местах сразу. Сопровождать посланников было скучно, зато он выбрался из города сюда, где Ад становится всего-навсего картинкой из света и тьмы, и он может по собственному желанию повернуться к нему спиной, пусть всего лишь на несколько часов.

Фул снова развернулся: если слишком долго стоять неподвижно, начинали болеть ноги. Почва на Горе была грубая и жесткая, острые камни ощущались под подметками ботинок и впивались в ступни словно зубы. Были времена, когда по этой дороге двигался в обе стороны непрерывный

поток грешников, босоногих и окровавленных, однако времена эти давно миновали. Он прошелся по дороге, сделав всего несколько шагов, зайти дальше не посмел. Частично из чувства долга — он понятия не имел, когда именно ожидаются посланники, и не мог рисковать тем, что его не окажется на месте в момент их прибытия, — но еще и из осторожности. Здесь, за краем, всего в нескольких футах от стены, обитали твари, которые даже по безумным меркам этого города считались дикими. Под самими воротами и вокруг них было безопасно, а вот за пределами бледно-голубого свечения, выходявшего из тоннеля, тени обладали когтями и хорошим аппетитом.

Даже сейчас за Фулом наблюдали.

И об этом ему твердила не только интуиция: дважды лоскуты тьмы густели, двигались, перемещались вокруг него, пока он ждал, а один раз какой-то голос даже окликнул протяжным шепотом: «Человек — так невнятно, словно рот у говорившего был чем-то набит и не мог нормально выговаривать звуки. Чем именно набит, об этом Фул не хотел даже думать. Он снова развернулся, безрадостно хмыкнув про себя: «Вертявый дурачок¹», и увидел, как что-то движется в тоннеле.

Насколько длинный этот тоннель, что там в его конце — этого Фул не знал. Ему было запрещено

¹ Фамилия Фула буквально означает «дурак» (англ. fool).

входить, как и всем остальным, за исключением посланников и преуспевших Скорбящих (которые к этому моменту были уже не Скорбящими, подозревал Фул, но скорее Ликующими или же Радующимися). Впрочем, он знал, что тоннель длинный: его освещенный отрезок тянулся настолько, насколько хватало взгляда, в этот широкий сводчатый коридор. Ламп, которые бросались бы в глаза, там не было, но тоннель все равно был залит светом, холодным сиянием, которое сочилось вроде бы из самих стен и не давало теней. Он приблизился ко входу, зная, что пройдет еще какое-то время, прежде чем посланцы появятся, но зная также, что в этом-то и суть, в этом его Долг. Он обязан быть здесь, почетный караул, эскорт, начиная с того момента, когда они выйдут из тоннеля, обязан дожидаться, словно покорный слуга, верный пес. «Собачка,— подумал он,— песик-дурачок». Задрав голову, он поглядел на облака. Даже в ночи они сияли, мерцали бело-голубым обещанием и надеждой. Они никогда не замирали, скользя и завихриваясь, время от времени расходясь и позволяя увидеть промельк города за ними.

Силуэты в тоннеле приближались медленно, понемногу отделяясь от света. Фул наблюдал, как они прорисовываются, уплотняются, и воображал, что это сам холодный голубой свет обретает совершенную, безупречную тугую плотность, и шевелил замерзшими пальцами в тонких

ботинках. Ему было холодно, от воздуха, угнездившегося в складках одежды, скукоживалась кожа и вставали дыбом волоски на теле. Фул ждал и наблюдал, подмечая детали.

Четверо, как и всегда; первый разрезал воздух, словно нос корабля, остальные тянулись цепочкой за ним. Один из тех, что сзади, замыкавший шествие, был словно обрамлен аркой света, которая возносилась высоко над его головой, двигалась, широко изгибалась, заполняя тоннель. Фул вздохнул: посланники почти на месте, кожа их сияет, светящаяся, безупречная. У него оставалось время, чтобы бросить один, последний, взгляд на облака, снова расступившиеся, чтобы показать город над ними, его белоснежные стены и мириады окон, знаменующие всю возвышенную славу Небес.

Боковым зрением он различал под Небесами неровное и грязное свечение Ада, а затем ангелы приблизились к концу тоннеля и вышли к нему.

Первый выглядел старше Фула, его кожа была испещрена идеальными морщинками, которые сами собой схлопнулись, когда он улыбнулся ему и произнес:

— Привет. Ты наш сопровождающий, как я понимаю? Я Адам.

Адам был пониже Фула, с бородкой, а глаза у него были ошеломительной, сияющей голубизны, как воздух вокруг шпилей далекого Рая. Выдвинувшись из зева тоннеля, он широко

раскинул руки, словно желая обнять Фула, и его черное одеяние всколыхнулось на нем, напомнив Фулу движение текущей воды. Кожа у него была бледная, едва ли не полупрозрачная, не испорченная сеточкой вен, волосками или порами. Фул отступил в сторонку, опустил глаза: смотреть на Адама было все равно что пытаться смотреть, не моргая, на пламя свечи — но даже почва сияла, словно отражая свет Адама. У Фула заболели глаза.

— Добро пожаловать в Ад, сэр,— произнес он, ощущая себя дураком.

Как бы часто он ни исполнял обязанности сопровождающего, он так и не привык к ощущению собственной неуклюжести и бестактности, которое охватывало его каждый раз рядом с этими созданиями. Они были такие прекрасные, такие грациозные, элегантный штришок на плебейском теле Ада, и он вечно не знал, как себя вести, несмотря на свой официальный статус, не знал, что сказать. А эти существа вообще мужского пола? Правильное ли обращение «сэр», или есть какая-нибудь иная форма, о какой ему следовало бы знать? Он чувствовал себя неловким и нескладным перед ангелом, а еще тупоумным, неповоротливым и тяжеловесным.

— Добро пожаловать? — беззаботно переспросил Адам.— Нет. Надеюсь, здесь нет никаких «добро пожаловать», а совсем напротив: осознание боли и страдания и еще далекий шанс на искупление.

Саймон Курт Ансуорт. ДЕТЕКТИВ ДЬЯВОЛА

— Вероятно, это существо хочет оскорбить нас,— произнес другой голос, и одна из фигур позади Адама выступила вперед, вышла из тени в темноту, неся с собой свет, который не столько сиял, сколько ослеплял, как будто подогреваемый изнутри пламенем преисподней. Подняв голову, Фул почти ничего не различил в этом сиянии, кроме того, что ангел нагой, а огромные арки в воздухе у него за спиной движутся и трепещут. «Крылья,— подумал Фул, снова опуская взгляд туда, где земля купалась в отраженном свете.— Крылья ангела».— Куда это годится, приглашать в Ад посланцев Господа, а? Ему следовало упасть перед нами ниц, умоляя нас о милосердии и избавлении, молить, чтобы мы позволили милости Господней сжечь его дотла, а это существо вместо того стоит и рассыпается тут в приветствиях, словно мы обычные посетители. Неудивительно, что оно так и остается проклятым.

— Тише, Бальтазар,— мягко укорил Адам.— Он не хотел нас оскорбить.

«Бальтазар»,— отметил про себя Фул. Оружие и охрана Адама, который у них мозговой центр и начальник; оставшиеся двое должны быть архивист и секретарь, их представлять не будут. Он иногда задавался вопросом, бывают ли у них вообще имена, или же они просто определяются своей ролью, лишенной личности.

— Может быть, это существо не понимает, что такое уважение или что есть он, а кто мы,— продолжал Бальтазар. Его свечение ослабло, лишившись интенсивности и потемнев так, что сделалось почти красным, и Фул отважился взглянуть на него. Ангел был выше Адама и моложе («Нет,— поправил он себя,— не моложе, а внешне кажется моложе. У них нет возраста, кроме того, который они демонстрируют по собственному выбору, разве не так объяснял как-то Бузинный Цвет?»), и сейчас у него в руке что-то было, он вскинул руку, взмахнув этим перед носом у Фула. Тот сначала подумал, что это меч пылающий, но нет, это оказался просто столп огня, который плясал и закручивался вокруг собственной оси, бросая жаркие отсветы ему на лицо.

— Бальтазар,— окликнул его Адам все так же мягко.— Не ищи сражения там, где его нет, друг мой. Он избранный представитель Ада и не собирался нас оскорбить, я уверен. Не так ли?

— Так,— ответил Фул, глядя на безбородое красивое лицо Бальтазара.

Ангел улыбался, обнажив зубы, похожие на полированный мрамор. Огонь еще мгновение колыхался перед глазами Фула, а затем померк — не уменьшился, а просто исчез. Бальтазар сложил руки на своем плоском животе и отступил назад, его крылья медленно затрепетали в воздухе над ним, снежно-белые и бесшумные.

Он кивнул, хотя Фул так и не понял кому: самому себе, Адаму или же Фулу.

Фул развернулся и двинулся по тропинке в сторону города, оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, идут ли за ним ангелы. Адам, улыбаясь, следовал за ним и чуть кивнул, заметив, что Фул смотрит. Затем шел Бальтазар, замыкали шествие оставшиеся двое. Они были меньше ростом, шли согнув плечи и опустив головы, отчего лиц было не разглядеть. Бальтазар так и двигался, вскинув крылья, выдвинув вперед, отчего они сейчас напоминали две острые косы, два полумесяца на фоне ночного неба Ада. Пока они шли, свет Адама и Бальтазара оттеснял тьму с тропинки, обнажая хилые изломанные растения, истощенную почву и что-то, скакавшее на периферии зрения Фула. Оно преследовало их всю дорогу до экипажа, хлюпая и причмокивая, а один раз даже воскликнуло: «Человек! Человек с друзьями! Миленькие друзья» — в полный голос, растянув последнее слово, словно пробуя его на вкус, словно посасывая что-то сладкое. При этом звуке Адам бросил взгляд в темноту и произнес:

— Тише, тварь.

— Храбрый человек, храбрые друзья,— отозвалась тварь.

— Умолкни,— приказал Адам, не меняя тона,— и прикуси язык.

Он коротко засиял, во вспышке голубого света в кустах проявилось что-то крупное, оно

развернулось и метнулось прочь, больше они его не слышали.

— Вот на этом нам предстоит ехать? Такое они присылают для посланцев Небес? — спросил Бальтазар, когда они спустились со склона. Они остановились рядом с экипажем, Бальтазар встал перед задней дверцей, не давая ее открыть, Адам наблюдал за ним. Фул стоял между двумя ангелами, секретарь и архив сбоку от него, по-прежнему с опущенными головами. Бальтазар снова начал светиться, свет просачивался из его кожи, словно капли пота, он широко раскинул руки, крылья задрожали, медленно выдвигаясь, расправляясь у него за спиной.

— Бальтазар, — одернул Адам.

Фул стоял молча, понимая, что он ничего сделать не может. Экипаж был маленький, четыре сиденья сзади, и это означало, что ангелам придется ужиматься всю дорогу, но ничего другого Канцелярия не выделила. Экипажи побольше имелись, но мало, и водить такие он не умел. Большинство обитателей Ада ходили пешком или заскакивали и выпрыгивали на ходу в массивные поезда, которые неспешно перемещались между фермами и промышленными районами. Фул и его коллеги, еще двое сборщиков информации Ада, обычно были в их числе.

— Мы полетим, — заявил Бальтазар, отступая от экипажа и с силой опуская крылья, отчего

клубы пыли и песка взметнулись в воздух вокруг Фула. Один из безымянных, глядя на Бальтазара, тоже начал разворачивать крылья, и Фул смотрел, завороченный, как они распахнулись на спине. Эти были меньше, чем у Бальтазара, не такие грандиозные, и напоминали Фулу скорее худосочные отростки птиц из адских стай, стай, на которые охотились летучие твари покрупнее, время от времени заполнявшие мрачный небосклон. Нежные перышки топорщились по краям ангельских крыльев, но в следующий миг Адам взмахнул рукой, и секретарь, или архивист, мгновенно сложил крылья. Снова плотно прижатые к спине, они сделались почти невидимыми, поблекли и исчезли, слившись с одеждой.

Бальтазар сердито поглядел на Адама и опять взмахнул крыльями, подняв целый шквал, от которого Фула качнуло назад, а экипаж дернулся. Адам терпеливо наблюдал, как Бальтазар предпринимает еще одну попытку, яростно скидывая крылья и с силой опуская. Еще одна пара крыльев, гораздо меньше, развернулась у стоп ангела и тоже бешено забила по воздуху. Фул закрыл глаза, когда полетел песок, и свет Бальтазара запылялся, огненно-красный и насыщенный.

— Бальтазар,— сказал Адам,— это же Ад, место, где нет свободы. Ты не можешь летать здесь, потому что полет приносит радость, а здесь никакие истинные радости не позволены. Только

меловушки и им подобные могут взмывать в воздух, Бальтазар, потому что им это не доставляет удовольствия, ты же знаешь. Тебе все объяснили перед тем, как мы отправились в путь. Мы здесь по приглашению, да, однако мы обязаны подчиняться правилам, как все живое и неживое здесь. Успокойся, мой друг.

Хлопанье крыльев и порывы ветра затихли, и Фул снова открыл глаза. Бальтазар сверлил Фула взглядом, его лицо искажалось и кривилось, превращаясь в нечто такое, на что невыносимо смотреть, что-то не имеющее отношения ни к человеку, ни к демону, ни к красоте. Перед ним стояло нечто ужасное, не воплощенная ярость, но абсолютная вера в себя, справедливость, не знающая сомнения. Ангел сделал шаг в сторону Фула, вскидывая руку, и мерцающий язык пламени сверкнул в воздухе, вырвавшись из ладони, а затем Адам снова произнес только одно слово:

— Бальтазар.

Ангел развернулся и молча выбросил крылья вперед, ударив сразу обоими по экипажу. Машина неистово всколыхнулась, поднялась, затем снова упала на колеса, отчего металл застонал и посыпались осколки стекла. На дверцах появилось несколько новых зазубрин, на одном из окон расползлась похожая на паутину трещина.

— Я прошу прощения за моего спутника,— произнес Адам, подходя к Бальтазару, который

